

как в некую общую гравитационную точку, литературные пространства из Белоруссии, России, Украины. Для литераторов расширяется спектр публикационных возможностей, включая географические. Визиты известных писателей также дают возможность молдавским любителям русской словесности шире познакомиться с палитрой современной русскоязычной литературы. И гостям приятно и интересно пообщаться со здешними писателями и читателями».

Сокровища «Пушкинской горки» — это искреннее тепло, которое мы дарим друг другу, понимание и единомыслие, совпадение идеалов, веры, чувства долга, осознания своей миссии на этой земле русскими литераторами разных стран. Это круговая порука добра и пушкинский дух дружества, которые царят на фестивале! Это наши удивительные гости, одаривающие нас вниманием, интеллектом, равнодушием, знаниями. Фестиваль по-русски щедр, по-молдавски гостеприимен, — здесь невкусно не накормят, не угостят третьесортным подобием вина или стихов, не оставят в одиночестве, не позволят печалиться. Будем надеяться, что у «Пушкинской горки» осенью впереди новая высота. Много новых радостных восхождений и открытий!

Олеся Рудягина

ВИКТОР КИРЮШИН

Москва

ПОЛУПРОЗРАЧНАЯ ЗАВЕСА

Заглохший сад.
Пугливых яблонь ряд.
В озябших кронах трепет лунных пятен.
Есть час, когда деревья говорят,
Но их язык для нас уже невятен.

И остаётся только горевать
Как человеческий бесполезен опыт,
Чтобы понять или истолковать
Листвы живой и первобытный шёпот.

Превратностей земная череда
Для смертного, увы, недолго длится,
Но дерево и камень, и вода
Нас памятливей на слова и лица.

Унылому забвенью вопреки,
Не принимая тленья и распада,
Они хранят касание руки
И трепет губ,
И безмятежность взгляда.
Мы разные, но мы одних кровей
Со всем преобразившимся однажды
В молчанье камня,
Музыку ветвей,
Глоток воды, спасающий от жажды.

Задыхаюсь от косноязычья,
Но уже не зайти за черту –
Слово рыбе, звериное, птичье,
Словно кость, застревает во рту.

Снова древнюю книгу листаю,
Чей волнующий запах знаком.
Вы, от века живущие в стае,
Не считайте меня чужаком!

Беззащитен и разумом смутен,
Смутный пасынок ночи и дня,
Я такой же по крови и сути –
Муравью и пичуге родня.

Но природа, закрывшая двери,
Немотой продолжает корить.
О, свободные птицы и звери,
Научите меня говорить!

СТАРОЕ ДЕРЕВО

Красное зарево, логово зверево,
Ворона в чёрном на мёртвом суку...
Старое дерево, старое дерево,
Всё повидало на долгом веку.

Радость – нежданна, горе – непрошено.
В небе растаяли дни – журавли.
Как тебя гнули ветра заполошные!
Гнули да только сломать не смогли.

Варится варево, мелется мелево –
Вечности неистощимая снесь.
Старое дерево, старое дерево
Снова надеется зазеленеть.

Свежей корой затянуло отметину
Молнии, плоть опалившей твою.
Слышишь, за речкой кукушка ответила
Юному, в неге любви, соловью?

Кроне густой благодарны, как терему,
Птицы, птенцов сберегая в дупле.
Старому дереву, старому дереву,
Господи, дай устоять на земле!

ДОЖДЬ

Возникшая у кромки леса,
Плывёт над лугом, погода,
Полупрозрачная завеса
Живого, доброго дождя.

Плывёт, колышется, не тает.
Вся – нежность и полутона,
Как будто музыка витает
У отворённого окна.

А там, размыты и нечётки,
Вдоль мокрых улочек пустых,
Берёз растрёпанные чёлки,
Рябин рубиновые чётки
И липы в каплях золотых.

Остановлюсь и лягу у куста,
Пока легки печали и пожитки,
На оборотной стороне листа
Разглядывать лучистые прожилки.

При светлячках,
При солнце,
При свечах
Мир созерцать отнюдь бесполезно:
В подробностях,
Детаях,
Мелочах
Не хаос открывается, а бездна.

Вселенная без края и конца
Вселяла б ужас до последней клетки,
Когда б не трепыхался у лица
Листок зелёный
С муравьём на ветке.

ИСТИНА

Давайте о главном,
О сущем,
Чему и названия нет,
Как этим вот липам цветущим,
Густой источающим свет.

Что толку в раскладе учёном,
Ведь истина наверняка
В неявленном,
Неназванном,
Непонятом нами пока.

Как некая дивная птица,
Внезапно мелькнёт у лица...
И манит она,
И таится,
И гибнет
В руках у ловца.

ЖИЗНЬ

Просто ужин на плите,
Просто взгляды, встречи, лица...
Жизнь – прогулки в темноте
С тайной жаждой
Заблудиться.

Вот провал, а вот проём.
Дал же Бог такую ночь!
Оступаемся вдвоём,
Только падать
В одиночку.

Ветер вечности – реки
Продувает,
Злой и хлёсткий,
Отношений тупики,
Заблуждений перекрёстки.

Наступает в свой черёд
То, что было многократно:
Даже двигаясь вперёд,
Возвращаясь в обратно.

Прорастает, как лоза,
Наше прошлое в грядущем,
Но раскаянья слеза
Не видна во след идущим.

Так бывает и притом
Понимать необходимо:
Человеческим судом
Только явное судимо.

Всё же тайного стыда
Малодушно не отриньте,
Чтоб не сплутать без следа
В этом странном лабиринте.

НОЧЬЮ

Густеет ночь у Девичьего вира –
В округе полусонной
Ни огня.
Загадочнее сотворенья мира
Грядущее возникновенье дня.

В крошечной тьме неясно отразятся
Неровный шаг
И сбивчивая речь...
Подумаешь:
Откуда свету взяться?
Да и кому дано его зажечь?

И призрачным покажется вращенье
Вокруг светила тверди и воды.
И долго душу мучит ощущение
Какой-то неминуемой беды.

Льнёт паутина к седеющим мхам.
Свет убывает.
Время рождаться грибам и стихам.
Так и бывает.

Снова сгорают в багряном огне
Тихие рощи.
Время подумать о завтрашнем дне
Строже и проще.

Что там в логу, на ветру трепеща,
Шепчет осина?
Время прощать,
Даже то, что прощать
Невыносимо.

СВЕТЛАНА ВАСИЛЕНКО

Москва

ТАЙНЫЙ «ГАМБРИНУС»
рассказ

В начале 90-х годов фильм по моему сценарию «Шамара» снимали в городе Николаеве. Причём снимали в два приёма: не управившись за одно лето, доснимали в следующее. В первое лето обошлись без меня. А вот во второе – не смогли. У режиссёра не получался финал фильма.